

Самая страшная тайна

документальная пьеса Александры Захваткиной

июль 2025

пьеса написана в рамках курса документальной драматургии Un/Told в 2025 году

Действующие лица:

ДАРЬЯ

МАКСИМ, брат Дарьи

АЛИЯ, которая встретила с матерью

ДЕНИС, которого не любили

ТАТЬЯНА, внучка репрессированного

ГОСУДАРСТВО

Когда я была маленькая

ДАРЬЯ:

Почему-то, когда я была маленькая, я не могла пойти к маме на руки. Был между нами уже барьер. Во время застолья как-то пришла крёстная, и я сидела у неё на руках — я ребёнок, мне нужна тактильность. Взрослые выпили, и мама как-то разозлилась на меня и сказала: «Почему эта сука к тебе идёт, а ко мне не идёт?». И даже в мои семь лет мне было странно: почему так мама может говорить?

Или как-то раз я сидела в поликлинике, листала медкарту, хотела посмотреть, сколько я весила, какого роста была. А нет этой информации.

— Мама, как я родилась?

— Не помню.

В больнице, где я лежала подростком, уборщица как-то крикнула вслед: «Что ты тут вообще, приемная, бегаешь». Я тогда расстроилась, лежала долго на кровати. Спросить маму с папой не могла: у нас не было принято на душевные темы разговаривать. Возможно, это многие поймут, когда в семье ты накормлен, напоен, у тебя есть одежда, игрушки, ручки, тетрадки — что тебе еще надо?

Однажды я все-таки попыталась спросить маму: “Вот мне в больнице сказали, что я не ваша дочь...” Она отмахнулась: “А, ерунда, болтают люди” — и быстро сменила тему.

Из-за таких ситуаций с раннего детства было ощущение — что-то здесь не так. Когда я получила паспорт, то увидела место рождения — город Калинин, нынешняя Тверь. А выросла я в Псковской области, в городе Дно.

АЛИЯ:

Я вообще была самым избалованным ребёнком из всех избалованных детей. Ну как бы у меня родители хорошо зарабатывали, всегда хорошо жили. Я отличалась всегда от всех своих родственников: была самой уверенной такой, самой избалованной. Мне на 18 лет подарили машину, я училась в хорошем университете.

Ну, в деревню мы приезжаем, тетя говорит: “Иди полы помой, типа тебе надо учиться полы мыть”. Папа подошёл, ведро ногой оттолкнул, говорит: “Она никогда не будет мыть полы”. Вот до такого доходило.

Когда я уже сына родила, мне было 25 лет, я на работе шутила, что меня с детдома взяли. А коллега подошла, говорит: “Алия, зачем ты так решила?”

Я говорю: “Слушай, Эльза, у меня даже ни одной фотографии беременной мамы нет”. Она говорит: “Ну и что? У меня тоже нету”. И всё. Это как шутка, как приколы.

Мы на работе неоднократно это обсуждали. Кто-то же прямо категорично против усыновленных детей, а я всегда говорила: “А почему нет? Представляете, вы кому-то жизнь подарите”. Мне кажется, действительно что-то бывало у меня внутри, какие-то подсказки.

ДЕНИС:

Я родом из Томска. Моего отца звали Степан. Как мать звали, я не знаю. У меня есть сестра старшая Марина. Есть брат — не знаю, старший или младший. Фамилия моя настоящая Шиков. Денис Степанович. Вот эту информацию я получил — больше никто ничего не знает.

Я помню отрывки из детства — все такое печальное, грустное. Помню мужиков в квартире всяких. Потому что мать у меня... ее же не зря прав родительских лишили.

Родители, которые меня усыновили, брали меня сначала несколько раз на выходные. Присматривались. У меня есть фотографии, где я маленький совсем — симпатичный пацан. И как-то я им приглянулся, наверное. И отец мне подарил машинку, модельку.

Я ей даже не играл, а в руках всегда держал. Спал — в руке держал. Мылся — ходил с ней в руке. Кушал с ней в руке. Чтобы не украли. Потому что всякое дерьмо в детском доме происходило.

В день усыновления меня везли в отцовской машине — точно такой же, как он мне модельку подарил. Жигули, ВАЗ 2106, песочный.

Я тогда быстро влился в семью. Наверное, я сам по себе человек такой, подстраивающийся под ситуацию.

У меня были ругани постоянно с бабушкой, мамой моей мамы. Я считал, что только отец меня может наказывать. Отец, он в милиции работал. Ну, немного жестокий человек был. И ремень был, и по соплям я получал, и в живот получал за какие-то проделки. Меня наказывали голодовкой. Ну, допустим, провинился — меня не кормили. А в последний раз меня так наказывали в детском доме. И у меня как-то это все отложилось. Я даже иногда сейчас дома, бывает, поругаюсь с женой и такой: «Ешьте сами, не сяду за стол». Как самобичевание, что ли.

И вот бабушка, когда мы в очередной раз ругались, хотела мне ремнем дать. И я лег на кровать, и ногой начал ее отпинывать, помню. И она сказала, что жалеет, что взяли, типа, взрослого.

Единственное мое хорошее воспоминание — это когда я уезжал в деревню к деду. Это отец мамы. Он меня научил всему, что я сейчас умею. Руками работать, с инструментами. Дом построить. В лесу по несколько месяцев жили. Это для меня отдушиной было. Плюс клубы деревенские. Я там пользовался популярностью: брейк-дансом занимался, на дискотеках устраивал такие виражи!

Алкоголь там был. Как я говорю всегда: в четырнадцать лет я спирт пить бросил. Я курил еще в садике. Я в детском доме курил. И даже, я помню, как клей мы нюхали, старшаки нам показали. Я все это попробовал в жизни до пятнадцати лет и оставил.

Мам, помоги мне найти

ДАРЬЯ:

Когда я училась в университете, мама заболела раком и умерла. Мы с папой приехали в гости к крёстной, маминой подруге, на какой-то праздник из разряда 8 марта или 23 февраля.

Папа вышел прогреть машину, и крестная сказала: «Все, я не могу больше терпеть, чего она живёт и не знает». Муж пытался ее остановить — «Она же просила не говорить», — а я сидела и думала: даааа, сейчас будет что-то очень интересное. И она мне рассказала в двух словах: когда ты была маленькая, 3-4 месяца, тебя из Твери привезли.

И я с этим пошла дальше жить.

Выхожу, сажусь в машину к папе, отворачиваюсь, у меня текут слёзы, я захлёбываюсь. Я не знала, *что* мне с этой информацией делать. У папы я не смогла спросить: такие у нас отношения. Он молча меня везёт домой, я молча выхожу из машины, поднимаюсь в квартиру, там истерю, звоню брату в истерике: «Я тебе не родная?». Он был на какой-то вечеринке: «А какая разница? Ты что, меня любить не будешь?»

Потом я позвонила нескольким маминым подругам. Одна сказала: «Я ничего не знаю, всё-всё, до свидания». А вторая ко мне приехала и немножко со мной поговорила на эту тему. Она подтвердила частично слова крёстной. И всё — на тот момент эта тема была закрыта. Я заканчивала университет, мне казалось, что ну и ладно, буду дальше жить.

А перед 30-летием я конкретно задумалась: кто я? Я же не могла, как в мультике Лунтик: я родился из яичка, и какие-то бабушка Жужа и Шмель меня подобрали. Хотя, кстати, есть серия, где Лунтик пошел выяснять, кто его родил. Даже Лунтик нашел свою биологическую маму, потому что это не может волновать.

Мне казалось, что дальше жить не имеет смысла, пока ты не знаешь о себе какую-то данность. Меня пришибло на эту тему, вплоть до суицидальных мыслей. Кто я такая, я вообще откуда?

Близился мой день рождения, 2 ноября, и я сидела в кафе, листала Инстаграм и почему-то зашла на страницу к знакомой по одному проекту, Оле Шестаковой. А она там маму биологическую ищет! Она писала в своем посте: если у вас такая же ситуация, вы можете мне написать.

Я ей написала, мы созвонились, она меня поддержала и самое главное — подселила в мою голову мысль, что вообще-то это нормально — знать, кто ты. Потому что первое, что я чувствовала при желании задать вопросы папе был стыд, как будто я хочу своровать что-то чужое. Меня воспитывали так, что нужно быть удобной, поэтому мне было не свойственно говорить о том, чего хочу я.

Я позвонила папе и сказала, что все знаю. Он мне все подтвердил и сказал, что будет только лично разговаривать на эту тему. В ближайшие выходные я поехала из Санкт-Петербурга в Дно.

Денис:

Я считаю, что приемного ребенка невозможно полюбить *настолько*. Собаку можно полюбить сильнее, чем неродного ребенка.

Через четыре года у родителей свой сын родился. Мне было, получается, 10 лет, когда родился брат Артем. И я сразу же почувствовал какую-то ревность. Я же знал, что я детдомовский, а у них свой родился.

Как объяснить, что я чувствовал на тот момент? Ну, чувствовал, что нахер меня вообще взяли. У брата моего все было: и компьютеры, и велосипеды.

У меня компьютера никогда не было. Мне никогда велик не покупали родители. Брату отец давал машину — мне вообще никогда не давал рулить. Или я с братом разговариваю по телефону, и он мне говорит: “Сейчас, погоди, отец звонит”. А мне отец вообще никогда не звонил.

У меня была обида к родителям. Конкретно к отцу больше. Потому что мама все равно как-то проявляла сочувствие, когда мне отец люлей давал. А на отца я очень сильно злился. И боялся его.

У нас звонок был дверной, он мелодию играл «Подмосковные вечера». И звук засова до сих пор помню. Как, блин, перед расстрелом. Щелк-щелк — и все.

Я футболом занимался. Отец тоже футболом занимался. Но когда я вместо школы ходил на вторую смену тренировок, отец про это узнал и запретил мне футболом заниматься. А я неплохо играл в футбол, у меня даже кличка была во дворе — Дель Пьеро. И я психанул и больше никогда не связывался с футболом, хотя очень любил.

И тогда у меня учеба пошла на нет. Я вместо футбола уходил с уроков в шалаши какие-нибудь: сигарету покурить, чего-нибудь выпить, чего-нибудь поджечь.

Я считаю, что это какой-то протест был. На уроки я приходил без тетрадок, без рюкзака, я с пакетом ходил. В школе многие знали, что меня усыновили. Я себя позиционировал, что я не как все. Я никого не встречал усыновленного — у всех были семьи. А я ходил такой: мне вообще пофигу на все эти ваши семьи и любовь.

АЛИЯ:

У мамы была подруга, тетя Аля. Она все детство меня воспитывала. Папа на Север ездил, мама по сменам работала, и меня всегда ей оставляли.

В конце ноября у тети Али был день рождения, юбилей, мы отмечали в ресторане. Все так хорошо выпили и пошли к ним домой. Ну, туда-сюда, кто чай пьет, кто болтает. И тетя Аля, хорошо пьяненькая, такая говорит: «Ой, доченька моя, доченька, вот когда умирать буду, только тогда скажу». И я просто взяла её за руку, завела в комнату, посадила её на пол и говорю: «Давай говори. Меня что, из детдома взяли?». Она так на меня смотрит: а ты откуда знаешь? А я не знаю, почему именно это мне в голову пришло! Я взяла её на понт, как говорится.

Я в Верхнем Услоне родилась, это под Казанью. Получается, моя биомать поехала туда сделать аборт на 6-м месяце беременности. То ли у неё был аборт, то ли она так родила — непонятно. Она дала мне имя Диляра.

Когда тетя Аля все это рассказала, у меня просто истерика была. Я только начала оправляться после смерти мамы, и тут второй удар! Как меня так жизнь испытывает? У меня как будто целый мир остановился.

Тетя Аля рассказала, что мама перепрятала документы о моем удочерении, и они находятся в деревне, в кармане пиджака. А когда мама умерла, Атлас, моего папу так зовут, весь дом перерыл в поисках этих бумаг, но ничего не нашел.

Все, думаю: надо ехать в деревню. Это число 28 ноября было, а 3 декабря у мамы была годовщина смерти — у нас, татар, мусульман, принято поминки справлять.

Ну, значит, мы справили поминки в деревне, папа спит в соседней комнате, а я начала смотреть пиджак. Это папин старый пиджак, он его не носил. И там в старом-старом файле такие желтые листки, и они скомканы. Мое свидетельство об удочерении, выписной эпикриз с Верхнего Услона и выписка с отделения патологии новорожденных, где все-все-все болезни указаны. Я их взяла, быстренько сфотографировала, саму трясет. Я себя каким-то сыщиком на тот момент чувствовала.

Перед тем, как в город из деревни уезжать, я к маме на кладбище зашла. Я не особо в это верю, но говорю: “Мам, помоги мне найти”.

Потом я позвонила своей подруге, она юрист, и говорю: Тань, так и так, надо что-то делать, искать, давай подумаем, как. Приезжаю в город, и она мне звонит: «Слушай, я тут группу усыновленных нашла. Там про какого-то детектива пишут».

Я обратилась. Просто свое свидетельство о рождении ей отправила — и вся информация была у меня через два часа.

ГОСУДАРСТВО:

Статья 139 Семейного кодекса Российской Федерации, “Тайна усыновления ребенка”:

Пункт 1. Тайна усыновления ребенка охраняется законом. Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка. Пункт 2. Лица, указанные в пункте 1 настоящей статьи, разгласившие тайну усыновления ребенка против воли его усыновителей, привлекаются к уголовной ответственности.

ДАРЬЯ:

У нас такой закон касает взрослых приемных, что ты не имеешь права ничего узнать. Ты всю жизнь должен отпрашиваться у мамы с папой, чтобы узнать, когда ты родился. То есть свои данные ты можешь получить только с помощью твоих приемных родителей, сколько бы тебе ни было лет.

ГОСУДАРСТВО:

От Министерства социальной защиты населения Тверской области

Уважаемая Дарья Викторовна, Министерство социальной защиты населения Тверской области по вашему обращению об оказании помощи в поиске биологической матери сообщает:

В соответствии со статьей 139 Семейного Кодекса Российской Федерации тайна усыновления охраняется законом и не может быть разглашена против воли усыновителей.

С уважением, заместитель министра С. М. Ермакова

ДАРЬЯ:

До этого я уже звонила в ЗАГСы, в органы опеки, в соцзащиту, но получила лишь какие-то ухмылки, насмешки.

ГОСУДАРСТВО:

Зачем вам это надо, девушка? Ваша мама вас бросила, она предатель. Успокойтесь. Какая разница, кто вас родил?

ДАРЬЯ:

Было бы классно, наверное, иметь какой-то тумблер, который отключает у тебя жажду знаний элементарных вещей про себя. Но это так не работает.

Я потом уже организовала чат взрослых усыновленных, потому что мне казалось, что должно быть место, куда такие люди могут прийти и спросить: что мне делать? Потому что нет этой информации, негде взять список документов, если человек сам лично этот опыт не прожил.

Бывает, пишет человек: «Мне всё равно, кто меня родил, мои мамочка-папочка приёмные самые лучшие». А через месяц-через два смотрю, и этот человек, который бил себя в грудь, что не будет никого искать, спрашивает: «А какие там документы-то надо вообще заполнить?» Потому что нет ни одного человека, которому не интересно, кто он.

А сама тайна усыновления, если вообще заглянуть глубже, осталась со времен сталинских репрессий, когда были враги народа. И чтобы эти их дети, оказавшись в детском доме... Им меняли даты рождения, чтобы их не нашли, отдавали в приемные семьи, все им меняли. Потому что была угроза для жизни. Сейчас угрозы для жизни уже нет, но традиция осталась.

ТАТЬЯНА:

А это мой родной дед вообще-то говоря, и это семейная тайна, с которой я живу с детства.

Мне с детства говорили, что он пропал без вести на Великой Отечественной войне. Очередное 9 мая наступало, и я подумала: ведь сейчас есть интернет, я в интернет забью фамилию и отчество деда.

В первую очередь дед у меня выскочил в базе данных репрессированных — вот так сразу. На фронт его призвали в 1942 году. Он тогда был начальником водного хозяйства Чарского района в Казахстане, гидротехником. Его на войне арестовали.

Бабушка из Казахстана уехала достаточно быстро. Наверняка ей было очень страшно, что его арестовали. Я думаю, она бежала.

Когда она замуж вышла за второго супруга, она взяла его фамилию, и он удочерил мою маму. Маме поменяли и фамилию, и отчество. Она была Раиса Федоровна Шаталова — стала Раиса Васильевна Куринная. Маме эта смена фамилии не нравилась. Ее в классе дразнили: куриная, гусиная, петушинная. Она рассказывала, что не могла привыкнуть к новой фамилии. И она помнила, что про отца ей не разрешали рассказывать, что был другой отец.

ГОСУДАРСТВО:

20 июня 2018

Управление федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области

Литвиновой Т. В.

Уважаемая Татьяна Викторовна, направляем в ваш адрес архивную справку в отношении Шаталова Фёдора Игнатьевича 1904 года рождения, уроженца Щигровского района Курской области.

Для получения копии документов из материалов архивного уголовного дела Вам необходимо предоставить документы, подтверждающие родственную связь.

Начальник подразделения В. В. Гладышев

Архивную справку деда мне прислали сразу, но я пыталась добиться, чтобы почитать его дело. Для этого надо было подтвердить, что я его внучка и получить справку об удочерении мамы. Вообще-то говоря, ее трудно получить из-за тайны усыновления, из-за этого самого закона.

ГОСУДАРСТВО:

21 февраля 2019

Министерство юстиции Республики Коми Т. В. Литвиновой

Уважаемая Татьяна Викторовна! Министерство юстиции Республики Коми сообщает, что согласно статье 47 Федерального закона об актах гражданского состояния тайна усыновления охраняется законом.

Работники органов ЗАГСа не вправе без согласия усыновителей сообщать какие-либо сведения об усыновлении и выдавать документы, из содержания которых видно, что усыновители не являются родителями усыновлённого ребёнка.

Заместитель министра Е. В. Береговая

Одна юридическая структура мне голову проморочила: раз деньги взяла, еще раз. В общем, в конце концов, «Мемориал» согласился мне помочь, взял это дело на себя.

В суде мне отказали. Отказ удивил меня, рассердил. Потому что причин-то нет, чтобы не раскрывать информацию! И родители, и усыновители давно умерли. Кто может быть против? Мама — его дочь — согласна, она его помнила. Я с детства знала имя родного деда, его не скрывали. И всё равно тайна усыновления.

ДАРЬЯ:

Помню, шла по Невскому, и папа мне звонит. Ну он такой, без прелюдий: «Так, тут какая-то Орлова Вера Игоревна, 14 августа...». А я уже видела, как эти свидетельства об усыновлении выглядят. Я понимаю, что Орлова Вера Игоревна — это моё имя, фамилия и отчество, данное мне при рождении, 14 августа — это мой настоящий день рождения. Мы с папой сделали запрос в ЗАГС Твери, и пришло мое повторное свидетельство об усыновлении.

Я зашла в «Буквоед», разговаривала с ним по телефону посреди зала, в полном оцепенении. Я вообще из тела вылетела и осознать не могла в полной мере.

Там было написано, что Орлова Вера Игоревна передана на усыновление таким-то людям и становится Емельяновой Дарьей Викторовной с днём рождения 2 ноября.

Я пошла к подруге, она снимала в центре большую комнату, взяла вина, мы с ней врубили песню Меладзе «Салют, Вера». Я плакала.

— Настя, ты представляешь, я *Верой* была.

Это не укладывалось в голове. Я разозлилась, что мне поменяли дату рождения. Это не нормально, так не должно быть. Человек рождается и умирает один раз. Ты не Бог, чтобы этим распоряжаться. Мы же не переписываем родственникам даты смерти — ну, не знаю, чтобы удобно было на Пасху ходить.

Есть люди, которые говорят: «Мне было бы всё равно...» Нет, тебе не было все равно, если бы с тобой это случилось. Ни вы, ни ваш друг, ни кто-либо другой не пойдёт в паспортный стол просто так менять себе дату рождения.

Для взрослого приёмного вопросы самоидентификации в этом мире глобально важнее, чем для человека, который родился в своей семье, с настоящим днём рождения и никогда в атмосфере тайны не жил.

АЛИЯ:

Она занимает руководящую должность у нас в республике. Она не из простой семьи. Он тоже кто-то — они все *кто-то*.

Первое, что было — облегчение. Для меня было важно, что я как бы из нормальных. Ха, я вам говорила, что гены пальцем не раздавишь!

А мне подруга говорит: “Ты помнишь, как в 1-й класс зашла с ноги? Мы с тобой все не хотели дружить, потому что ты была самая вальяжная”. Ну, у меня всегда так, я не знаю, почему. Потом я очень дружелюбная, всем помогаю, всех люблю, но изначально я прихожу вот так. Подруги говорили: у тебя же на лице все написано, невозможно *так* воспитать.

К биологической матери у меня, кстати, не было никакой злости, осуждения. Мне было важно, что я не из семьи алкашей, и важно, что я была своей религии. Я ей написала сообщение в WhatsApp: “Я такая-то такая-то, моя удочерительница умерла и перед смертью сказала, что вот, Рамазанова Ландыш... Подскажите, пожалуйста, вам что-то известно об этой женщине?” Она спросила, где я живу и удобно ли будет встретиться через неделю.

Я готовилась к этой встрече — вот когда в парня влюбилась и ждешь, когда он тебе напишет. Я надела самое красивое платье. Для меня было важно показать всю себя, какая я замечательная и как все у меня хорошо.

Мы встретились в кафе. Мы с ней одновременно пришли: я смотрю, она идет — я же фотографию уже ее нашла. И я быстрее пошла. И она, получается, заходит и ко мне как бы приобняться подходит. Я говорю: “Здрасте, я Диляра. Она говорит: “Ну нет уж, тебя же, мол, *она* назвала Алией”.

Для меня было самое важно, чтобы она от меня не откупалась. Для меня это как плевков в спину был бы, если бы она мне сказала: “Забудь про меня, вот тебе что-то и все”. Меня бы это обидело. А сейчас вроде время прошло, и я думаю: “Да почему бы и нет, лучше бы откупились”.

Ну, мы сели. Я просто сидела такая и типа улыбалась. Я ее увидела и как-то обрадовалась. Для меня это было как будто я еще родственников нашла. Типа: ой, моя семья прибавилась. Типа: ой, я, оказывается, нормальная. Такие чувства у меня были.

Я с ней похожа — не сильно, но похожа. И мой сын — копия вот этой моей биологической мамы. У меня сын с голубыми глазами. А у нас никого нет с голубыми глазами. Никого.

Она плакала. Один раз сказала «ты меня извини». Вся дрожит, таблетки пьет, воду пьет, не знает, как начать. Говорит: “Ну, в общем про себя расскажи, как ты вообще, где училась, работаешь”. Я немного рассказала, потом она уже начала свою историю рассказывать.

Она, получается, приехала в Казань учиться. Не поступила. Но при этом она сразу же стала работать в исполкоме города Казань! В 90-е годы работать в исполкоме 18-летней девушке — явно ее туда устроили.

Биологический отец был ее на 22 года старше. Она забеременела. Говорит: «Мне было интересно, что такое секс. Вот я приехала из деревни такая вся наивная. Я с ним встретила три раза. А потом он изменил мне с моей соседкой по общежитию, я их застала».

Она долгое время не знала, что беременна. А когда узнала, то договорилась и поехала в Верхний Услон. Там ей вызвали преждевременные роды. На следующий день она уехала домой.

Она попросила меня никому ничего не говорить: у нее родители взрослые, папа диабетик, инсульт-инфаркт, плохо станет. Я говорю, а вы мужу не хотите рассказать? “Нет, нет, нет, нет”. У вас хотя бы одна подруга знает? “Никто не знает”.

ДАРЬЯ:

Я такой человек реактивный в плане действий. В октябре все это началось, а в августе я уже встречалась со своим биологическим братом.

Имен моих биологических родителей в повторном свидетельстве об удочерении не было. Но я начала в своих соцсетях говорить о своей ситуации и о том, что я чувствую. И на эти посты отреагировал телеканал «Пятница». У них был тогда проект «Зов крови», они искали героев для передачи. Они мне написали, что «Дарья, если вы согласитесь участвовать, мы поможем вам найти биологических родственников».

Мне уже терять было нечего, я говорю: “Давайте”. Редактор ездила в Тверь, опрашивала кучу народа. Потом мы вместе ездили в эту Тверь в соцзащиту. Я их достала уже своими звонками — а тут еще и приехала. Там была тетка, она как бы этими документами владела. Когда мы зашли в кабинет, она такая:

ГОСУДАРСТВО:

Господи, Емельянова, у меня последний день рабочий перед отпуском, чего вы приперлись-то именно сегодня?

ДАРЬЯ:

Мне было и смешно, и грустно, потому что это полный сюр нашей системы — такое отношение. Очень большую роль играет человеческий фактор.

Бывает, человек тебе как-то что-то подскажет неофициально. А бывает и нет.

ГОСУДАРСТВО:

Ладно, я вам помогу.

ДАРЬЯ:

И она дала мне почитать отказную 89-го года, которую писала мать. Редактор записала себе ФИО матери, помимо того, что уже сама искала. По большому счету, она могла не передавать мне потом информацию, но она говорит: «Слушай, телеканалу не интересна твоя история, потому что твоя мать умерла, а им нужна встреча. Но чисто по-человечески я хочу тебе помочь. У тебя есть брат и я хочу вас соединить».

Идти в этот путь надо, не имея иллюзий, что ты сейчас объединишься с большой семьей, где тебя просто потеряли. Как туфельку там, Золушка на балу. Нет. Тебя родили и отдали. Были на это причины. Причины разные.

Взрослые приемные, так бывает, считают, что «я сейчас всех найду, осчастливлю». «Мамочка, я как мамонтенок, заблудившийся на льдине. Вот я приехал». А тебе там не рады. Там уже целая жизнь за 20, 30, 40, 50 лет выстроилась. И, возможно, это была самая страшная тайна в жизни. И как бы это больно ни звучало, это правда. Но мне было важно найти себя в первую очередь.

Мне скинули соцсети брата. У меня было четкое понимание, что это абсолютно другой человек, чужой человек, и он может не хотеть со мной общаться. Я написала ему:

— Макс, привет! Я в шоке! Меня родила Мама твоя. Твоя мама — моя мама. Ты позвони как сможешь ну и если захочешь конечно)

— Привет

Я честно говоря сам в шоке

МАКСИМ:

Ну, то есть, мне сколько? 25 уже, наверное, было. И 25 лет я ничего не знал об этом, не слышал никогда в жизни. И тут, ну, такая новость. Я, конечно, офигел. Я, наверное, просто был в шоке от того, что жизнь развернулась в сериал какой-то. Для меня это был поворот сильный.

Сначала мне написала девушка-журналистка, скинула ссылку на Дашину страницу ВКонтакте, и я увидел, что она очень похожа на нашу маму. Там даже каких-то тестов генетических не надо. Потому что у меня жена спрашивала: «Не хотите тест сделать, посмотреть?».

Спустя какое-то время мы у моей тетки были, она фотографию мамы показывала. И жена посмотрела и говорит: «Ладно, вопрос тестов

отпадает”. И все, кто видели фотографии мамы и Даши, такие: “Нифига себе!”. Потому что... Ну, копия, правда. Даже не просто по лицу, но и тело полностью... Даже волосы, зубы. Некое перерождение, можно сказать.

Мое отношение к маме после того, как я узнал про Дашу, вообще не изменилось. Я никогда не относился к ней с обидой. Потому что помимо всего плохого, что я пережил, я видел, как ей самой трудно. Я понимал, что она не просто сейчас запила или что-то еще — ну, так жизнь у нее сложилась.

В апреле мы с Дашей познакомились, в августе уже встретились на ее день рождения. Даша приехала в Тверь. Я тоже родился в Твери, но тогда проживал в Ростове, проходил службу по контракту. И у меня как раз выдался отпуск и я смог на неделю приехать.

Она сразу предупредила, что будет орать на улице от радости. Я тоже был рад, потому что все-таки, в моем понимании, я один остался. И так как я был один в своем мирке, и классно, что у меня теперь есть еще кто-то.

Никакой не притирки не было, мы просто начали общаться — и все. Все говорят, что мы с Дашей похожи. Мы коротышки. Я повыше ее, конечно, но мой рост метр семьдесят всего. Зубы у нас хорошие. Жена завидует и говорит: “Если у нас будут дети, я хочу, чтобы у них были ваши зубы”.

У меня есть тетка, мамина сестра. У нас отношения такие... Мы общаемся, но мы не близки, скажем так. Даша стремилась познакомиться с ней, поговорить. И был момент, когда она ей написала, и тетка крайне негативно отнеслась. Она позвонила мне и сказала, что “если она еще раз напишет, то я ментов вызову”. Ну, ее можно понять: у нее там свои проблемы, возраст и тоже немало пережитого. У всех свои тараканы, свой бэкграунд. Она немножко такой злой человечек, ну, грубоватая женщина.

ДАРЬЯ:

Я была на свадьбе у Максима — и была единственной родственницей с его стороны. И потом эту запись смотрела Марина, сестра мамы биологической. Она спросила, кто это, а Максим ответил: «Это та, которой, по твоим словам, не существует».

Но я существую — и меня родила ее сестра. Я бы с радостью с ней пообщалась, потому что она могла бы кучу всего про мать рассказать. Но она сказала, что я аферистка и хочу ее московскую квартиру.

Не все готовы такую тайну принять. Все участники этого события — и тетя косвенно тоже является участником этого события — сложные эмоции проживают. Но кто-то может с этим справиться, а у кого-то психика отрицает очевидные вещи. У тети есть своя картина мира, и если я окажусь правдой, то ее мир может частично пошатнуться и даже рухнуть.

...Мама биологическая очень много работала. Они жили в деревне, небогато. Поехала учиться в Тверь, в техникум на швею. Там она познакомилась с каким-то парнишкой, который, возможно, был моим папой.

Какую-то несчастную она женскую жизнь прожила, честно говоря. Мне очень жаль, что такой у нее был исход жизни: ее тело обнаружили на свалке. Там странная история: то ли случайность, то ли убийство. Максим подробности не знает, потому что он был маленький. Ему вообще о смерти мамы сказали только через год: до этого он думал, что она его бросила.

МАКСИМ:

Маму я помню, конечно. До второго класса я жил дома с ней. А потом приехали сотрудники и забрали меня в приют: мы считались неблагополучной семьей.

Папа с нами не жил никогда. Ну, я его знал. Был у него даже пару раз, но как бы человек в целом мне неродной. Его не было в моей жизни.

В приюте я был полтора года, что ли, потом попал в интернат. Не в детский дом, а в интернат. Всю жизнь для меня это важно было, потому что меня триггерит, когда говорят, что я детдомовский. Потому что там совсем другие дети, на самом деле. Мне они никогда не нравились, и мы им тоже никогда особо не нравились.

В интернате, в основном, дети были, у которых просто там, родители, может, пьющие. Некоторых детей родители иногда забирали в середине недели, а потом приводили. Либо на выходные, на каникулы. Я на выходные к маме не возвращался, потому что далековато было, мы жили в деревне, 15 километров от города. На каникулы – да.

Сейчас я понимаю, что если бы все пошло самотеком, скорее всего, я бы в этой деревне спился бы с каким-нибудь местным алкашом. А так, благодаря интернату, я получил образование. Я побывал во всероссийском детском лагере «Орленок». В те времена билет туда, наверное, тысяч сорок стоил. А мы таких денег не видели никогда.

Лет 12 мне было, когда мама умерла. В общем, ситуация странная. Я бы сказал, из ряда вон выходящая. Это было лето, и между сменами мы жили в школе. И приехал директор. Меня подозвали и директор говорит, типа, “Максим, вот, похороны прошли. Мы с тобой как-нибудь на неделе съездим”.

От мамы не было ни слуху уже как бы полгода. Она с декабря месяца не приезжала. А на улице уже была жара.

Вот, и он мне это говорит, а я не понимаю, о чем речь. А он смотрит на школьного психолога и спрашивает: “Вы ему не сказали до сих пор?” Видимо, у школьного психолога не хватило духа.

На кладбище я потом не ездил. Один я не мог, меня никто не свозил. Не знаю, может быть, как-то детский разум немножко это заблокировал. И я такой: ну, значит, ее нет. Когда выпустился, я уже не стал этим интересоваться. Ну, просто, наверное, не хотел это все ворошить. И спустя уже много лет жена начала говорить: “Давай найдем, съездим, посмотрим”. Буквально год назад мы ездили. Но там общий участок и мама просто была похоронена под табличкой.

ДАРЬЯ:

Мой приемный папа всегда спрашивал, как там Максим поживает. Бабушка тоже: “Что там, как Максимка?” Максим с папой даже по телефону общался, по видеосвязи. Я их познакомила. Я говорю: «Смотри, это Максим, я его нашла». Батя там расплакался.

Это стало возможным благодаря моей настойчивости, потому что я сказала: «Я тут в ваши игры с тайнами играть не собираюсь. Не нравится — не общайтесь со мной. Но я буду с вами общаться на эту тему. Я не собираюсь сидеть, чай пить с бабушкой и выбирать тему разговора. Я хочу про Максима поговорить — это нормально». И я потихонечку своим напором сделала эту тему в нашей семье абсолютно нормальной.

В сентябре бабушка умерла, в январе на Крещение — папа.

Единственный, кто эту тему не принимает, это мой старший брат, мамин сын. Ему уже к 50-ти, у человека вполне себе состоявшаяся психика, и нет у меня цели никого переубеждать.

Мы когда папу хоронили, он говорит: «Я твою деятельность не приветствую». Я говорю: «Ну как-то переживу, и тебе придется пережить, что я этим занимаюсь, потому что, конечно, я из-за твоих слов это не брошу». Это никак не влияет на мой мир.

Я даже не углублялась: ой, а почему ты не принимаешь? Так бывает. Кому-то не нравится, что я маленького роста или что у меня маленькая грудь. Ну что мне теперь, счастливо не жить?

А с Максимом мы стали частью жизни друг друга. Мы переписываемся, периодически созваниваемся, поздравляем друг друга в праздники. Недавно я была в Москве, у них там с его женой тусовалась. Эти новые вводные как-то устаканились, мы поддерживаем общение в спокойном режиме — как будто так было всегда.

ДЕНИС:

Я со своей бывшей женой разошелся, когда моему сыну было два года. Я пытался долго сохранить отношения, но там семья такая попалась... Я с ними не ужился, хотя, казалось бы, я нормальный, работающий был. Все было: телевизор, ноутбуки. Ну, там дочь с двумя высшими образованиями,

свободно на английском, научный сотрудник. Я был не тот человек, который ей подходил.

Сейчас мы живем с девушкой, у нее сыну 14 лет. Он тоже чудеса иногда творит, что моя лысая башка офигевает. Я ребенку объясняю: у тебя есть деньги, велосипеды, техника, что ты чудишь-то? Чего тебе не хватает? Я стараюсь быть ему другом.

С нынешней женой гражданской идеальные отношения вообще. С тестем здороваемся, там, руками хлопаем, обнимаемся постоянно. Это бывает даже до слез как приятно. Я всегда говорю девушке: «Жаль, что мы раньше с тобой не встретились».

Я после развода год ни с кем не встречался, не общался. А это так удручает: я всю жизнь хотел семью. На сайтах знакомств я, в основном, никому не писал — ждал, что мне кто-то напишет. Ну, типа, понравлюсь — и напишут. Думаю: ну, попробую еще. Установил, короче, опять это приложение. И в первые минуты я увидел ее фотографии. Я прям сам первый написал: «Привет, ты очень красивая». И как-то завертелось, закрутилось. Мы решили встретиться через пару недель. Погуляли, потом еще раз встретились. Я как бы, ну, по кафешкам, по всяким этим штукам поводил, все как джентльмен. Потом как-то сошлись.

И с родителями быстро познакомился с ее, с отцом, с братом, все нормально, ровно. Я за всю жизнь столько на праздниках не бывал! Каждый раз такие столы накрываем, как будто свадьба у кого-то, а это просто обычное день рождения. Для меня это как новая семья.

Мне стало легче

АЛИЯ:

Я это расцениваю, что бог меня поцеловал и сказал «живи». Я была шестимесячная, кило двести-кило триста — и я выжила. А приемных родителей я и так обожала, а теперь в миллион раз больше уважения и почтения к ним испытываю.

На нее у меня обида появилась. Я ждала хоть какого-то признания, а сейчас уже полное разочарование. Ну казалось бы, это твоя ошибка молодости, ну все бывает. Но вот сейчас ты можешь все изменить.

Она вроде пишет мне «как ты?»... Но я бы хотела с ней чаще созваниваться, чтобы она интересовалась моей жизнью. Мы вот даже на отдыхе познакомились с ребятами — и общаемся, созваниваемся, да?

В какой-то момент мне так хотелось ей отправить огромное сообщение, такое прям душераздирающее: я умею чувствовать людей и давить на такое.

“...я дико извиняюсь, что потревожила вас и появилась в вашей жизни, больше я вас не побеспокою, на этом наша с вами история закончилась...”

Ну, там длинно-длинно.

Я написала, а потом такая: я ей жизнь облегчу этим самым. Думаю: нет, пока не буду отправлять. Она жила спокойно все это время, и тут просто как гром среди ясного неба все это упало. Мне кажется, сейчас она всегда боится, как бы я где не вылезла, как бы я что не ляпнула.

Когда она мне сказала фамилию, имя, отчество отца, я все про него нашла — и такая хопанаааа. Позвонила ей, про его детей рассказала. То есть она понимает, что я далеко могу пойти. Но пока я успокоилась.

Папе я ничего не сказала — и если я так глубоко копну, это может и до него дойти. Мне безумно хочется с ним поговорить, но я боюсь, что этим ему наврежу. У него после смерти мамы инфаркт и инсульт был. Хотя, может быть, и у него было бы облегчение, если бы мы поговорили.

ДЕНИС:

До прошлого года я ничего у родителей не спрашивал. Тема усыновления была табу. То есть я знал, что я усыновленный, они знали, что я знаю.

Мама спросила: зачем ты спрашиваешь? Я говорю, просто мне интересно стало, я в чате написал свою историю, спросил, как можно кровных родственников найти. Она говорит: не вздумай нас приплетать туда.

Конечно, это их право — не говорить мне, хотя они могли бы сами пойти навстречу, чтобы я мог решить этот вопрос раз и навсегда. Кто я? Где мои родители? Почему отец умер? Где мать, умерла она или нет? Пила она? Где моя сестра старшая? Где брат мой?

Я сам пытался найти, но не было зацепок. На зоне, когда я работал в безопасности, через ментов пробивал. В прокуратуре работал водителем прокурора э. Я даже в «Жди меня» написал! Звонил в детские дома, объяснял ситуацию. Тогда я узнал про закон о тайне усыновления. Дурацкий закон какой-то. Для кого он сделан?

Казалось бы, я имею полное право знать: где я был? Я считаю, что если человек старше 18 лет, то государство обязано ему по запросу раскрыть все карты. То есть я плачу налоги бешеные, а мне какую-то хрень не могут рассказать, которая их вообще не волнует.

Вот мне знакомые, у которых не было такой ситуации в жизни, говорят: «Нафига тебе это надо?» Я думаю: «Как тебе объяснить?» Как может голодный сытому объяснить, что он кушать хочет? Мне даже кто-то говорил: «Вдруг они наркоманы или алкаши?» Но как жить и не знать? Ну как? Может, мне не станет лучше, как я раньше думал, но я зато буду знать. Это одна из целей моей жизни — узнать.

Это груз тяжелый. Я определение дал очень давно — это мешок гнилой картошки. Я все вот это собирал за спиной, оно уже гниет, а я этот мешок несу. Он все тяжелее, и гниет, и воняет, и меня беспокоит. Но я его не могу сбросить.

ДАРЬЯ:

В моей картине мира никаких тайн на эту тему нет. Хранить тайну — трудно. Ты видишь человека каждый день, и ты ему что-то не договариваешь... Ты же как минимум проколешься, когда будешь ругать его. Я веду психотерапевтическую группу поддержки для взрослых усыновленных, мы там это очень много обсуждаем. И чаще всего тайна раскрывалась в момент ссоры. В порыве злости бывает так, что мать выпаливает: «Потому что это гены твои поганые проявились!». И начинается...

Я в последних отношениях партнерских узнала, что партнер мне изменяет. Так получилось, что у меня был доступ к его перепискам, и я просто смотрела иногда, но не могла ему сказать, потому что мне было стыдно, что я читаю. И какое-то время я с этим жила. Честно говоря, чуть не умерла.

Это очень сильные эмоции, это очень большая тайна — так же, как и тайна про приемного ребенка. Это что-то очень сильное, и это невозможно в себе носить. Оно слишком много места занимает в сердце.

Я вижу, что за пять лет существования нашего чата люди все чаще обращаются в суд и пишут потом, что у них получилось добиться раскрытия тайны усыновления. Хотя я считаю, что никаких судов вообще не должно быть. Я должна прийти с паспортом и получить информацию. А людям приходится пройти семь кругов ада, унижений — и еще могут ничего и не дать. Так быть не должно.

ГОСУДАРСТВО:

РЕШЕНИЕ

Именем Российской Федерации

Сыктывкарский городской суд Республики Коми рассмотрел в открытом судебном заседании 10 декабря 2020 года гражданское дело по иску Литвиновой Татьяны Викторовны к министерству юстиции Республики Коми об обязанности предоставить справку об удочерении по форме 8.

Суд установил: в ситуациях усыновления сведения о происхождении, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, место рождения и иных обстоятельств усыновления.

Суд решил:

Обязать министерство юстиции Республики Коми выдать Литвиновой Татьяне Викторовне справку об удочерении по форме 8.

Судья Т. А. Попова

ТАТЬЯНА:

Суд был два раза. Во второй раз дали добро. Копию дела прислали по почте в толстом конверте. Я вручную все перепечатала в ноутбуке, потому что это ксерокопии, и они со временем линяют и ничего не прочитаешь.

Статья вот эта классическая сталинская, 58.10: антисоветская пропаганда и агитация. Там было написано, что дед регулярно среди однополчан проводил антисоветскую агитацию пораженческого характера. Он сомневался в победе Красной Армии в 1942-м году. В каком-то лагере он умер в начале 1943 года от туберкулеза, реабилитирован в 92-м году.

Я смогла почитать, как дед говорил. Интересно говорил, умный был человек. Такой своеобразный, мрачный юмор. Как-то я встретила со своим дедом. Мне стало легче. Там, где была дыра в истории семьи, появился человек.

Знать лучше, чем не знать. Семейные тайны — не очень хорошая вещь. Потому что вот эта информация, которую человек в себе носит, она всё равно проявится.

Бабушка носила это в себе и не говорила. Было что-то, в чём бабушке не могли посочувствовать, что с ней не могли обсудить. Это проявлялось в поведении. Это проявлялось в поступках. Она колотила маму. Сильно. Мама, скорее всего, была на него похожей.

В нашей семье у всех серые глаза. Вот у мамы были в середине карие — у меня точно такие. Наверное, у этого деда были карие глаза, потому что больше ни у кого.